

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ в 1920—1930-е годы

Ольга Игоревна ШЕСТАК, младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН. Область научных интересов: история социальной политики, проблемы трудовых отношений на Дальнем Востоке, защиты социальных прав граждан по законодательству Российской Федерации.

Изучение различных аспектов социального развития общества началось в 1920-е годы. В историографии указанной проблемы мы можем выделить ряд этапов: 20—30-е годы; конец 50-х — 80-е годы; конец 1980-х — по настоящее время. Данная периодизация обусловлена политическими интересами и идеологическими установками, определяющими жизнь российского общества с 1917 г., роль которых сказывалась на выборе тематики и методологических подходах к историческим исследованиям.

Необходимость изучения социальной сферы жизнедеятельности общества в 1920—1930-е годы вызывалась прежде всего политическими целями. Для выработки приемлемой социально-экономической политики советское правительство должно было знать характер социального расслоения общества, в том числе и состав различных социальных групп, их материальное положение, настроение, характер трудовых отношений. С другой стороны, чтобы обеспечить поддержку своей политики, правительству необходимо было наглядно представить преобразующую деятельность в отношении групп населения, составляющих его опору — городских рабочих и беднейшей, в прошлом бесправной части населения деревни.

Этим объясняется появление в этот период большого количества брошюр и статей политического характера¹, авторы которых — в основном партийные и профсоюзные работники, в чью задачу входила пропаганда итоговых результатов в работе партии и советской власти в отношении городских и сельских пролетариев после октября 1917 г.

В связи с переходом к нэпу важнейшее значение для выработки социальной политики советской власти приобрела оценка количественных изменений в среде рабочего класса и крестьянства. Отсутствие достоверных, сравнимых данных, единой методики определения социальных групп в обществе, четких критериев социального расслоения породило разные оценки этих процессов. Для изучения проблемы большое значение имели работы сотрудников ЦСУ С.Г. Струмилина, И.В. Ярогого, Б.А. Гухмана, которые базировались на материалах текущей статистики. С.Г. Струмилин и Б.А. Гухман впервые стали активно использовать метод количественного анализа данных². С.Г. Струмилин доказал возможность использования профсоюзной статистики для установления численности рабочих и ее изменений в тех отраслях производства, где в

годы гражданской войны существовало обязательное профсоюзное членство работающих. Кроме того, его работы были посвящены проблемам заработной платы, использования рабочей силы в разных отраслях экономики и повышения производительности труда³. Б.А. Гухман, сопоставляя данные о численности рабочих 1922—1924 гг. с данными 1897 и 1913 гг., ввел в оборот большое количество статистического материала различной направленности о лицах наемного труда в начальный период нэпа⁴. В связи с обострением политической борьбы различных внутрипартийных группировок в 1924—1927 гг. акцент в изучении переместился на определение сущности и глубины расслоения рабочего класса и крестьянства, анализ их неоднородности⁵. Исследователи пытались показать характер и масштабы расслоения рабочего класса и крестьянства, в том числе признаки пролетарских хозяйств на селе, отмечали увеличение использования наемного труда крестьянскими хозяйствами с переходом к нэпу, видели в нем доказательства классового расслоения крестьянства. В отношении рабочего класса у авторов не было понимания сущности социальной неоднородности: правильно выделив ее причины (наличие различий в экономическом, социальном положении рабочих), они в конечном итоге сводили понятие социального расслоения к расслоению экономического, толкуя его как различия в уровнях заработной платы. Таким образом, при верных в целом отправных методологических посылах исследователи не могли предложить конкретного решения проблемы.

В 1920-е годы активно исследовалась проблема безработицы, меры борьбы с ней, численность и состав безработных, меры социальной помощи⁶. Среди причин безработицы в РСФСР отмечали низкий уровень развития производства и его разрушение в годы двух войн, демобилизацию армии и необходимость трудоустройства молодежи, усиление притока в город сельского населения. Почти во всех работах начала 20-х годов термины «безработица», «безработный» употреблялись как сами собой разумеющиеся, не требующие пояснения, и только в 1926 г. была предпринята попытка сформулировать понятие «безработный». Украинский статистик И. Вейцблит, говоря о трудностях в определении понятия «безработный», сводит его лишь к определенной части безработных — «безработные не по своей вине»⁷. Однако эта формулировка не могла быть принята исследователями ввиду того, что позволяла подвести под категорию безработных представителей всех слоев населения, в том числе и так называемых «лишенцев». Расплывчатость понятия «безработный» не давала возможности всесторонне изучить проблему безработицы в тот период.

Большое количество исследовательских работ в 1920—1930-е годы было посвящено вопросам заработной платы, материального стимулирования и охраны труда⁸. Монографии дальневосточных авторов этого периода носили информативный характер, поскольку при помощи статистических данных они исследовали те же проблемы, что и авторы центральных регионов. Можно выделить работы Л.В. Крылова, Н.Н. Любимова, А.М. Брянского⁹, их ценность — в статистических данных, которыми они насыщены. Анализ этих публикаций показывает, что проблема социального развития общества в тот период была актуальной. Труды, основанные на статистическом материале, результатах обследований основных социальных групп города и деревни, были необходимы, с одной стороны, для выработки советской социальной политики, корректировки ее с учетом динамики социальных процессов, с другой — в них четко прослеживается идеологическая установка — стремление доказать, что с ус-

тановлением советской власти произошло улучшение жизни населения, положение рабочих и сельской бедноты изменилось в лучшую сторону. Авторы ссылались прежде всего на размеры оплаты труда рабочих и сельской бедноты, не всегда сопоставляя их с дореволюционными. Анализ других условий труда — продолжительности рабочего дня, системы рабочего снабжения — почти отсутствовал. Объектом внимания было социально-экономическое положение рабочего класса и беднейшего населения деревни, и полностью отсутствовал анализ социально-экономического положения других слоев и групп населения России. Происходившие в обществе процессы характеризовались по материалам европейской части страны и ограничивались 1928 г. Социально-политическая обстановка в обществе в преддверии массовой коллективизации и индустриализации в литературе 1920-х годов не была отражена. Изучаемые в этот период вопросы были жестко ограничены рамками господствующей идеологии. Прослеживается некая заданность ответа, определяемая идеологическими установками, — революция и советская власть способствовали улучшению социально-экономического положения населения России и его материального благосостояния, что было невозможно при капитализме. При этом трудно было по обрывочным статистическим материалам проследить в целом характер, особенности и механизмы реализации социальной политики данного периода.

В 1940-х — начале 1950-х годов основное внимание исследователей уделялось различным аспектам Великой Отечественной войны и периодам в истории России, связанным с защитой Отечества от иностранного вторжения. Изучение социальной истории на время приостановилось.

С конца 1950-х — начала 1960-х годов в результате изменений в исторической науке после XX съезда КПСС исследование истории социальных отношений вновь активизировалось. В партийно-государственных документах появились тезисы о необходимости сместить акценты народнохозяйственного развития страны в сторону производства для удовлетворения материальных и культурных потребностей народа¹⁰.

Для понимания процессов в социальной сфере, в частности направлений, средств, методов и результатов социальной политики, большое значение могла иметь тенденция отхода от сталинской схемы истории СССР, наметившаяся в 60-е годы. В Институте истории СССР группа ученых в составе П. Волобуева, И. Тарновского, П. Иванова, И. Гиндина, А. Авреха, В. Данилова работала по проблеме воссоздания Октябрьской революции. Коллективом авторов был поставлен вопрос о необходимости углубленной трактовки социальных проблем, имевших место в СССР в прошлые годы. Их концепции были осуждены партийными органами и признаны неверными. Появление такого направления в исторической науке в этот период свидетельствовало о наметившемся поиске новых идей, с помощью которых можно было бы адекватно отразить в исторической литературе происходившие социальные процессы, объективно показать и оценить проводимые централизованные социальные мероприятия¹¹. Расширилась проблематика исследований, источниковая база.

Вопросы истории социальной политики в исследуемый период нашли отражение в крупных работах по истории рабочего класса и крестьянства СССР и Дальнего Востока¹², истории социалистического соревнования и пятилетних планов¹³. Для этих работ была характерна узость статистико-экономического подхода к проблемам, многие декларативные заявления не подкреплялись конкретными материалами. Однако среди них есть труды, имеющие большую значимость для изучения истории социальной политики в период 20—30-х годов XX в., например, монографии Ю.А. Полякова и В.П. Данилова.

Научный труд Ю.А. Полякова «Переход к нэпу и советское крестьянство» имеет важное значение для анализа положения различных социальных групп деревни в начальный период нэпа. Разработав методику пересчета комбинационных группировок в социальные, автор дал социально-экономическую характеристику разных групп крестьянства к началу нэпа и показал изменение их в 1921—1923 гг., обосновал особенности процесса социального расслоения крестьянства в советском государстве. В.П. Данилов¹⁴, опираясь на системный анализ большого круга источников и бюджетных обследований крестьянских хозяйств, проводившихся в 20-е годы, по-новому подошел к рассмотрению социально-экономической сущности наемного труда в крестьянских хозяйствах. Он доказал, что в отношении наемного труда, земельной аренды, найма и сдачи в наем рабочего скота и инвентаря в 20-е годы было втянуто не менее половины крестьянских хозяйств. В общей массе участвовавших в обмене орудиями производства, землей, трудом выделялись полярные группы, которые по сумме этих отношений и степени их развития являлись эксплуататорской (кулацкой) и эксплуатируемой (бедняцко-батрацкой). Но в основном наемный труд в крестьянских хозяйствах носил подсобный характер. Преувеличение промышленной роли найма и применение к такой категории крестьянских хозяйств более жестких мер при регулировании условий найма диктовались другими, прежде всего политическими целями и задачами. Такой подход к оценке значимости наемного труда в крестьянских хозяйствах позволял по-новому подойти к изучению социальной политики в деревне в период нэпа, но для этого необходимы были и новые источники, и критический анализ уже использовавшихся.

Отдельную группу в этот период составили монографические работы отечественных исследователей, посвященные такому разделу социальной политики советского государства, как социальное обеспечение трудящихся¹⁵. Большинство из них были посвящены правовым аспектам развития системы социального обеспечения в советский период, в чем и проявляется их положительное значение.

В период 60-х — начала 80-х годов активизировалось изучение деятельности партии по организации, классовому воспитанию и сплочению советского общества, что выразилось в появлении большого количества монографий и статей по истории КПСС и Дальневосточной партийной организации¹⁶, представлявших собой классический образец исследований, подтверждавших господствовавшие теоретические концепции с идеологически определенными выводами. Авторы стремились обосновать руководящую роль партии во всех процессах: от формирования социальной структуры советского общества до налаживания социального быта в городах и деревнях.

Необходимым элементом любого исторического исследования в 1950—1980-е годы была критика «буржуазных фальсификаций». Анализ зарубежной (буржуазной) литературы по проблемам нэпа и сущности процессов, происходивших в советской стране в 20—30-е годы, давался в работах И.М. Шишкина, В.И. Тетюшева, Н.Л. Рогалиной¹⁷. Авторы подвергли критике большинство зарубежных исследователей за отрицание концепции социального равенства, развития в послереволюционной России демократизма в отношениях между властью и населением страны, высокого уровня социально-бытовой сферы и трудовых отношений, наличия в деревне в период нэпа кулачества как слоя, отличного от других классовых слоев, эксплуатировавшего батрачество и бедноту.

В конце 50-х — первой половине 60-х годов возрождается изучение региональных аспектов развития социально-бытовой сферы восточных районов

РСФСР, начало которому было положено в 20-е годы. Оно было вызвано как логикой развития общественных наук (богатый фактический материал для анализа последствий социальных мероприятий в различных регионах страны в предыдущие периоды исторического развития), так и потребностями общественной практики. В те годы развитие народного хозяйства происходило в условиях экстенсивного развития: главная роль отводилась увеличению первичных ресурсов производства. Появилась заинтересованность в изучении истории развития промышленности Сибири и Дальнего Востока. В соответствии с политической конъюнктурой в региональных исторических исследованиях основное внимание уделялось истории промышленности Дальнего Востока, а в социальном плане — истории рабочего класса, его экономическому и политическому развитию в период индустриализации¹⁸.

С 60-х годов XX в. вопросы социальной сферы восточных районов стали предметом исследования сибирской исторической школы, которая внесла большой вклад в изучение отдельных аспектов истории советской социальной политики 20—30-х годов. Специфика региона определила и тематику исследований: сибирские историки занимались изучением социальных взаимоотношений в сибирской доколхозной деревне и деревне периода коллективизации¹⁹.

Наибольший вклад в изучение социальной структуры сибирской деревни в период восстановления народного хозяйства внес Л.И. Боженко²⁰. Он проанализировал особенности процесса социального расслоения в Сибири и обосновал вывод о том, что социальный облик сибирской деревни накануне коллективизации отличался сочетанием различных по своему содержанию отношений: капиталистических, мелкобуржуазных, социалистических и полусоциалистических с наибольшим развитием капиталистических производственных отношений и резким проявлением социального расслоения в крестьянстве. Л.И. Боженко также доказал подсобный характер найма в начале нэпа и изменение его по мере восстановления крестьянских хозяйств²¹. Исследована история профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих. В Сибири изучением этой проблемы занимались Ю.С. Левашов, Л.И. Боженко, А.В. Гагарин, В.И. Зайцева и др.²² Проводились исследования по социальной психологии сибирского крестьянства. Реальная жизнь крестьян, их социальные взгляды, особенности политического сознания, эволюция религиозного сознания отражены в работах И.С. Кузнецова²³.

Оценивая результаты изучения истории различных аспектов социальной сферы в 50—80-е годы, следует сказать, что развитие историографии было в основном количественным за счет расширения территориальных и хронологических рамок и выяснения подробностей, направленных на обоснование правильности сложившейся системы и неизбежности ее создания. Социальная политика во всей целостности своих механизмов и результатов не изучалась ни в общесоюзном, ни в региональных масштабах. Исследовались такие аспекты социальной политики: материальное благосостояние рабочего класса, система социального обеспечения, формирование социальной структуры, социальные отношения и взаимоотношения с государственной властью в деревне (исследования сибирских историков), проблемы социальных конфликтов (проблемы классово-борьбы в деревне). В оборот было введено много новых данных, но они лишь подтверждали сложившуюся концепцию. Актуальной оставалась важность сопоставления и критического анализа источников. Изучение велось в рамках господствующих теоретических концепций, а выводы подчинялись идеологическим и политическим детерминантам. Еще одной особенностью исторической литературы этого периода было то, что исследователи, как правило, рассматривали реальный исторический процесс через призму поста-

новлений партии и правительства, получая в них определенную идеологическую заданность. Выдавая желаемое за действительное, они зачастую подменяли реальное положение дел в социальной сфере анализом постановлений. Если, например, постановление 1932 г. говорило о необходимости ликвидации в стране детской беспризорности, то с точки зрения советской историографии беспризорность действительно была ликвидирована; если постановление гласило, что были установлены определенные социальные льготы тем или иным категориям граждан, то историки писали, что население их получало. Все это приводило к неверным выводам и деформации исторической действительности.

Новый этап в развитии исторической науки связан с перестройкой в конце 1980-х — начале 1990-х годов, которая изменила взгляды на многие проблемы истории 20—30-х годов. В эти годы проявились новые историографические и источниковедческие подходы к социальной проблематике, начался переход от партийно-политических объяснений к более глубоким социальным, экономическим. Появилась возможность пересмотреть многие этапы исторического развития, глубже осмыслить исторический опыт.

Политические события второй половины 80-х годов (апрельский пленум ЦК 1985 г., XXVII съезд КПСС, XIX партийная конференция), появление и обострение кризисных явлений в социальной сфере поставили перед экономистами, социологами, историками задачу углубленного исследования социальной политики на разных этапах, механизма ее формирования и реализации.

При изучении проблемы возникала необходимость четкого определения понятия «социальная политика». В публикациях К.И. Микельского, В.З. Роговина, С.С. Шаталина, Г.С. Саркисяна²⁴ в 1987—1988 гг. рассматриваются основы социальной политики КПСС в 70—80-е годы и взаимодействие ее с экономикой. Авторы не дают точного понятия социальной политики, но оговаривают, что она включает в себя идеологическое и организационно-политическое обеспечение курса на повышение народного благосостояния, совершенствование социальных и национальных отношений. Т. Заславская, занимавшаяся проблемами дифференциации доходов населения России, дала следующую характеристику этого понятия: «Социальная политика в узком смысле — это система государственных мер по поддержанию тех общественных групп и слоев, которые в силу тех или иных причин оказываются в более трудном положении, чем другие, страдают от специфических обстоятельств и не могут своими силами улучшить собственное положение»²⁵. Она выделяет в социально-демографическом плане пенсионеров, студентов, жителей малых сел и удаленных районов и делает вывод, что социальная политика — это общественная практика, направленная на модификацию общественных структур и институтов в сторону совершенствования. Таким образом, в центре понятия находились целевые установки. Такой же позиции придерживался и Б.В. Ракитский: «Социальная политика — это целенаправленное развитие общественной структуры, организация прогрессивных сдвигов в социальном положении каждой из частей общества, а тем самым в социальных характеристиках всего общества»²⁶.

В социологической литературе существовал и другой подход. Ф.М. Бородкин дал следующее определение социальной политики: «Социальная политика — способы и направления деятельности определенных общественных групп (субъектов социальной политики) с целью установления, воспроизводства и изменения системы социальных неравенств в обществе для максимальной возможности удовлетворения потребностей и в интересах этих групп с помощью разнообразных средств, среди которых главным, или по меньшей мере необходимым, является власть»²⁷. Ф.М. Бородкин дал более научные и корректные общеметодологические ориентиры изучения исторических фактов в отличие

от Т. Заславской и Б.В. Ракитского, которые на первом этапе анализа фактического материала заранее предопределяли те группы населения, в интересах которых проводилась социальная политика.

Труды, в которых предпринимались попытки сформулировать понятие социальной политики, в конце 80-х годов, можно было сгруппировать по отраслям наук²⁸, относя политику в области перераспределения доходов, трудовых отношений и в сфере занятости к чисто экономической деятельности²⁹; экономисты не выделяли социальную политику в отдельное направление, говоря в целом об экономической деятельности государства³⁰. Среди исторических работ, посвященных проблемам социальной политики, особо хочется отметить монографию дальневосточного исследователя А.С. Ващук, в которой дается, на наш взгляд, наиболее оптимальное определение социальной политики: «...направление и способы деятельности социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей с помощью разнообразных средств, самым главным и необходимым из которых является власть»³¹, а основной сферой урегулирования социальных отношений считает распределение материальных благ и к исследованию проблемы подходит через анализ групповых интересов.

Проблемы социальной политики, став актуальными в конце 80-х годов XX в., привлекли к себе огромное количество исследователей из разных областей гуманитарных знаний. Однако большинство работ по социальной политике, появившихся в начале 90-х годов, касалось в основном проблем современности и недавнего прошлого³². Западные и отечественные историки впервые стали обсуждать ключевые проблемы истории России, в том числе и развитию советского общества в 1920—1930-х годах³³. Однако социальную политику во всей широте ее предмета исследователи рассматривать не стали, обозначив альтернативные пути развития СССР в 20-е годы. Р. Дэвис, например, обратил внимание на отсутствие надежных знаний, необходимость разработки точного исторического метода для обсуждения вопроса, междисциплинарного подхода со стороны историков, экономистов, социологов, политиков, ученых³⁴.

Но если в конце 1980-х годов историки еще не отошли от привычной «доктринальной» методологии исторических исследований, то с начала 90-х годов появляется новый методологический подход — «субъективное измерение» прошлого, благодаря которому происходит «возвращение человека» в историю. Начинается это с журналов «Мировое древо» и «Казус», затем к ним присоединяется «Одиссей». Актуальной для историков становится проблема «власть и люди». Кто делал историю 20—30-х годов? — Сталин? Общество? Выделение одной из сторон в этом «дуэте» породило современное деление историографии на «тоталитарную» и «ревизионистскую» или «нон-тоталитаристскую» школы. Абсолютизация власти, ее контроль и влияние на общество в 20—30-е годы XX в. определили предмет исследований «тоталитарной» школы, в то время как «ревизионистская» школа стала абсолютизировать самостоятельность общества, его независимость от решений власти.

В рамках «тоталитарной» школы стали разрабатываться проблемы нэпа, где затрагивался и вопрос о его социальной сущности³⁵. В частности, авторы, анализируя нэп, показывали особенности формирования социальной структуры деревни периода 20-х годов, уделяя внимание формированию тоталитарной политической системы и ее влиянию на развитие социальных отношений³⁶. Рассматривая пути и механизм становления и развития тоталитарного государства в СССР, авторы отмечали и особенности социальной политики, которая, по их мнению, была направлена на формирование «общества потребления», полностью зависящего от партийного и государственного аппаратов.

Следующий блок рассматриваемых проблем: коллективизация и индустриализация. Историки большое внимание уделяли именно социальным аспектам этих процессов. Например, Ш. Мерль в статье «Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства» поставил вопрос, отличался ли класс собственников в деревне в 20-е годы от остального крестьянства. Он считал, что советские историки не видели противоречия между ленинским и чаяновским определением природы социальной дифференциации в деревне. «Из неверного определения социальной дифференциации следовала неверная аграрная политика. Оказание помощи беднейшим как жертве кулацкой эксплуатации вело к провалу, так как слабость этих хозяйств — в дефиците семейной рабочей силы»³⁷. Особенности социальной дифференциации в 20—30-е годы отмечались в работах Н.А. Ивницкого, А.А. Овсянникова, В.Б. Жиромской, Н.Я. Гринина и др.³⁸ Исследования других авторов — Ю.А. Красов, В.А. Козлов, О.В. Хлевнюк, Б. Иванова — были посвящены таким социальным группам советского общества, как «лишенцы» и «репрессированные»³⁹. В рамках «тоталитарной» школы социальная политика не рассматривалась, но в этом направлении выделяется изучение изменений социального положения различных групп населения советского общества, прослеживается эволюция политических механизмов управления, отражаются достоинства и недостатки различных моделей функционирования советского общества как целого организма.

В работах историков «ревизионистской» школы социальным аспектам истории советского общества 20—30-х годов уделялось основное внимание, главным направлением которого было изучение советской «повседневной истории» (школа «истории повседневности»), которое стало особенно популярным в последние годы. Любопытно, что оно началось в разных странах в одно и то же время совершенно независимо. В России значительный вклад в эту область внесли ученые Санкт-Петербургского университета экономики и финансов⁴⁰. В рамках «истории повседневности» рассматривался процесс становления в 1920—1930-е годы советского образа жизни, материальный быт различных слоев и групп города (на примере Санкт-Петербурга); взаимодействие общества и государства на уровне бытовых отношений. Главными достоинствами этого направления стало введение в научный оборот огромного количества исторических источников, иллюстрировавших изменение социального положения слоев и групп города под воздействием государственной политики, освещение не изучаемых прежде аспектов социальной истории 20—30-х годов XX в. К сожалению, эти исследования ограничивались узкими региональными рамками — в основном изучалось «социальное пространство» таких городов, как Москва и Санкт-Петербург.

Второе направление «ревизионистской» школы — «историко-антропологические исследования», в которых наиболее употребляемым становится термин «менталитет». Исследования ментальности включали такие вопросы, как формирование особой политической культуры в 1920—1930-е годы, создание новых политических ритуалов и сложной системы социального контроля, подавления и принуждения, влияние официальной идеологии на мировоззрение людей⁴¹.

В 1990-е годы появляется большое количество диссертаций, посвященных проблемам социальной политики этого периода⁴² (материальное обеспечение, политика государства в области труда, народного образования, защиты материнства и детства, в области перераспределения материальных благ на примере различных регионов). Авторы опирались на методологический ориентир, согласно которому важным подходом к изучению российского (советского) социально-политического пространства является всесторонний анализ конкретных сфер, с учетом процессов в отдаленных регионах. При изучении

диссертаций по проблемам советской истории 20—30-х годов XX в. в Российской государственной библиотеке нами не было обнаружено комплексных работ, посвященных социальной политике во всей широте предмета.

Наконец, следует отметить развитие региональной историографии. С образованием Российской Федерации как суверенного государства региональному развитию стало уделяться большое внимание. С открытием и рассекретиванием региональных архивов, даже при ограниченном доступе к центральным федеральным архивам (экономический аспект), региональная историческая наука начала активно развиваться. С начала 1990-х годов появляются работы дальневосточных историков, посвященные различным аспектам социального развития региона: Л.И. Проскурина⁴³ (дальневосточное крестьянство); Л.А. Дударь⁴⁴ (роль государства в снабжении населения Дальнего Востока товарами народного потребления); Е.Н. Чернолуцкая⁴⁵ (репрессии на Дальнем Востоке).

В 2001 г. прошла защита диссертации Е.В. Семеновой «Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока (октябрь 1917 — июнь 1991 гг.)». Автор показала сложные взаимосвязи между формами социальной помощи и поведением людей, ввела элементы социальной антропологии, анализ поведения человека, попавшего в сложные жизненные обстоятельства и ставшего объектом внимания государства; отметила противоречия в ходе формирования институтов в различных отраслях социальной сферы (рабочего страхования, пособия по безработице и т. д.).

Таким образом, в 1990-е годы в связи с переосмыслением опыта преобразований в СССР в 20—30-е годы возрос интерес исследователей к социальным аспектам советского общества (расслоение, механизмы формирования, взаимодействие и взаимовлияние общества и государства). Однако проблемы социальной политики рассматривались, как правило, в комплексе со смежными и близкими вопросами (восстановление промышленности, коллективизация, индустриализация, становление тоталитарного политического режима, репрессии и др.). Мало исследован фактический материал, характеризующий формы и методы реализации социальной политики, ее результаты. И если различные аспекты социальной политики в центральных и северо-западных регионах в том или ином объеме рассматривались достаточно в диссертационных работах, то на Дальнем Востоке таких работ крайне мало. Исследование социальной политики, на наш взгляд, должно стать одним из источников воссоздания объективной истории 1920—1930-х годов, осмысления этого сложнейшего периода нашего прошлого. Публикации 90-х годов свидетельствуют о необходимости расширения традиционного круга источников, о возрастании значения архивных материалов и о важности принципа отбора документов.

¹ Рашин А. Движение заработной платы в 1923 г. М., 1924; Авдеев А.Д. Батрачество и крестьянские общества взаимопомощи. М.; Л., 1929; Егоров В. Батрачество и партия. М., 1927 и др.

² Гухман Б.А. К вопросу о численности пролетариата СССР // Вестн. труда. 1923. № 3; Струмилин С.Г. Динамика батрацкой армии в СССР // Наемный труд в сельском хозяйстве: Стат.-эконом. сб. 1926.

³ Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923.

⁴ Гухман Б.А. Численность и заработная плата пролетариата СССР. М., 1925; Он же. Численность и заработная плата лиц наемного труда по СССР в 1924/25 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 5.

⁵ Брудный М. Наши разногласия и неоднородность пролетариата // Большевик. 1927. № 19—20; Беренделин П. О новых слоях рабочего класса // Под знаменем коммунизма. 1927. № 1; Дроздов И. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября // На аграрном фронте. 1928. № 6—7; Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.; Л., 1930; Плешков П. Наемный труд в крестьянском хозяйстве СССР. М., 1928 и др.

- ⁶ Исаев А. Безработица в 1922 г. // *Вестн. труда*. 1923. № 2—3; Он же. Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917—1924 гг.). М., 1924; Гиндин Я.И. Безработица и борьба с ней. Л., 1927; Он же. Регулирование рынка труда и борьба с безработицей. М., 1928; Гинзбург Л. Как бороться с безработицей. М.; Л., 1927; Бахутов А. Безработица и борьба с ней. М.; Л., 1928 и др.
- ⁷ Вейцблит И. Безработица на Украине в 1923—1925 гг. Харьков, 1926. С. 3.
- ⁸ Ревзин Ф. Эволюция форм заработной платы в советской России. М., 1923; Кравель И. Заработная плата и производительность труда // *Большевик*. 1924. № 7—8; Шмидт В. Наша политика в области заработной платы // *Вопр. труда*. 1925. № 9; Он же. Рабочий класс и жилищный вопрос. М., 1929; Полляк Г.С. Бюджеты рабочих и служащих к концу 1923 г. М., 1924; Лаврентьев В. Заработная плата в России прежде и теперь. М., 1926 и др.
- ⁹ Крылов Л.В. Контрольные цифры развития и строительства народного хозяйства Дальневосточного края на десятилетие 1926/27—1935/36 // *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1927. № 11—12; Любимов Н.Н. Экономические проблемы Дальнего Востока (Восточно-Китайская железная дорога). М., 1925; Брянский А.М. Экономическое расслоение дальневосточной деревни. Хабаровск, 1925.
- ¹⁰ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 г. Стеногр. отчет. М., 1956. Т. 1.
- ¹¹ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50—70-е годы: (Историография проблемы). Владивосток, 1991. С. 9—12.
- ¹² Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; История советского крестьянства. М., 1968. Т. 1—2; Данилов В.Н. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Селунская В.М. Изменение социальной структуры советской деревни. М., 1979; История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 1—2; Глушенко И.И. Рабочий класс советского Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922—1937 гг.). Владивосток, 1986; Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период): Сб. ст. Владивосток, 1984; Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: Сб. науч. тр. Хабаровск, 1984; Дубинина Н.И. Дальневосточницы в борьбе и труде: Очерк. 1917—1941. Хабаровск, 1982 и др.
- ¹³ Чангли И.И. Социалистическое соревнование и новые формы коммунистического труда. М., 1959; Рогачевская Л.И. Движение за коммунистический труд: история и проблемы. М., 1968; Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; Шутов И.М. Десять пятилеток в цифрах. М., 1977; Курский А.Д. Научные основы советских пятилеток. М., 1974; Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности: очерки истории ВСНХ (1917—1932 гг.). М., 1966 и др.
- ¹⁴ Данилов В.Н. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
- ¹⁵ Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М., 1974; Астрахан Е.И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим: Ист. очерк (1917—1970 гг.). М., 1971; Ланцев М.С. Социальное обеспечение в СССР. М., 1976; Микульский К.И. Социально-экономическая политика в социалистическом обществе. М., 1978; Краснопольский А.С. Основные принципы советского государственного страхования. М., 1951; Попков В.Д. Социальная политика советского государства и право. М., 1979; Роговин В.З. Социальная политика в социалистическом обществе. М., 1979 и др.
- ¹⁶ История КПСС. М., 1971. Т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921—1937 гг.; Очерки истории идеологической деятельности КПСС: октябрь 1917—1937 гг. М., 1985; Гончаренко Н.И. Некоторые вопросы партийного строительства в восстановительный период в Приморье (1922—1926 гг.). Владивосток, 1962; Мухачев Б.И. Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1936 гг.). Магадан, 1987; Организационно-политическое укрепление Советов на Дальнем Востоке СССР (октябрь 1922—1983 гг.): Сб. науч. тр. Владивосток, 1985; Организационно-хозяйственная деятельность местных Советов на Дальнем Востоке (1922—1985 гг.): Сб. науч. тр. Владивосток, 1986 и др.
- ¹⁷ Шишкин И.М. Правда истории и домыслы советологов. Л., 1977; Тетюшев В.И. Социалистическое преобразование экономики СССР и буржуазные критики. М., 1978; Роголина Н.Л. Критика новейшей буржуазной англо-американской историографии советского крестьянства в переходный от капитализма к социализму период // *Вопросы методологии исторической науки*. М., 1978. С. 23—34 и др.
- ¹⁸ Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны (1937—июня 1941 гг.). Новосибирск, 1966; Мандрик А.Т. История рабочего класса советского Дальнего Востока в период строительства социализма в СССР: (Исследование проблемы) // *Методология исследования и историография Дальнего Востока*. Южно-Сахалинск, 1975; Больбух А.В. Об освещении истории рабочего класса Дальнего Востока в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.) // *История, археология и этнография Дальнего Востока*. Владивосток, 1967; Он же. Рабочий класс Дальневосточного края в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1966; Унпелев Г.А. Приморье в годы первых пятилеток (1928—1937). Владивосток, 1969 и др.

- ¹⁹ Гушин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1978; Он же. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928—1929 гг. // Известия СО АН СССР. Новосибирск, 1967. Вып. 1; Гагарин А.В. Деятельность партийных и советских органов Сибири по сплочению батрачества в 1924—1925 гг. // Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969 и др.
- ²⁰ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.). Томск, 1969; Он же. Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.). Томск, 1970 и др.
- ²¹ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период (1921—1925 гг.). Томск, 1978.
- ²² Левашов Ю.С. Из истории создания и деятельности профсоюза сельскохозяйственных рабочих Сибири (1920—1925 гг.) // Материалы научной конференции по истории Сибири. Томск, 1967; Боженко Л.И., Гагарин А.В. Социально-политические организации в сибирской деревне (1920—1927 гг.). Томск, 1971; Боженко Л.И. Классовая организация и политическое воспитание батрачества в Сибири (1920—1926 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1972. Вып. 6 и др.
- ²³ Кузнецов И.С. Массовая психология сибирского крестьянства и политическая жизнь деревни в 20-е годы // Актуальные проблемы истории советской Сибири: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1980.
- ²⁴ Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. М., 1987; Микульский К.И. Взаимодействие экономической и социальной политики. М., 1987; Саркисян Г.С. XXVII съезд КПСС и пути повышения народного благосостояния // История СССР. 1987. № 2. С. 56—69 и др.
- ²⁵ Социальные ориентиры обновления: общество и человек. М., 1990. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 24.
- ²⁷ Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С. 241—262.
- ²⁸ Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1994; Смирнов С. Социальная политика России: между идеальным и реальным // Сегодня. 1995. 27 мая; Заславская Т. Социальная стратификация и дифференциация доходов в России // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М., 1997. С. 76—93; Уколов В.Ф. Национальная идея и социальная политика государства // Социальная политика государства: Материалы конф. «Проблемы регулирования социальной политики государства: состояние и перспективы». М., 1997. С. 5—14; Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998; Гонтмахер Е. Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт // Pro et Contra. Т. 6. № 3; Человек в социальном государстве. М., 2001. С. 7—23 и др.
- ²⁹ Черняковский К.И. Социальное право. М., 1996; Буянов М.О., Кондратьева З.А., Кобзева С.И. Право социального обеспечения. М., 1997 и др.
- ³⁰ Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997 и др.
- ³¹ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке: середина 40—80-х годов XX в. Владивосток, 1998. С. 4.
- ³² Актуальные проблемы социальной политики в условиях перестройки. М., 1989; Дяттерев Л. Социальная политика в трансформирующихся экономиках // Проблемы теории и практики управления. 1992. № 6; Сонин А.В. Государственная политика в сфере бесплатного обслуживания: уроки и перспективы. М., 1994; Бурджалов Ф.Э. Современная социальная политика: между планом и рынком. М., 1996; Социальная политика в период перехода к рынку: проблемы и решения / Под ред. А. Ослунда и М. Дмитриева. М., 1996; Социальная политика государства. М., 1997; Бородин Ф.М. Движение российского социума к государству благоденствия // Социологические исследования. 1997. № 7; Митрошенков О.А. Социальная политика в России: мега-тенденции 1999—2010 гг. // Социально-гуманитарные знания. 1998. № 6. 1999. № 1 и др.
- ³³ Боффа Д. История Советского Союза. М., 1990; Верт Н. История Советского государства: 1900—1991. М., 1992; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Дэвис Р. Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы // Россия в XX веке. М., 1994. С. 311—319; Перейра Н. Советская Россия глазами Запада // Там же. С. 377—385; Девис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отеч. история. 1994. № 3; Барнс Р. Общественная психология в США и СССР 20—30-х годов в свете теории потребления // Вопр. истории. 1995. № 2 и др.
- ³⁴ Круглый стол по вопросам развития исторической науки // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 172—176.
- ³⁵ НЭП: приобретения и потери. М., 1994; Никольский С.А. Власть и земля: хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М., 1990; Цакунов С.А. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1992; Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924—1925 гг.) // Отеч. ист. 1993. № 5; Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отеч. история. 1993. № 5 и др.
- ³⁶ Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах (20—80-е годы: / Круглый стол // Вопр. истории КПСС. 1990. № 12; 30-е годы: взгляд из сегодня: Сб. М., 1990; Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Мау А.В. Реформы

- и догмы, 1914—1929; Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995 и др.
- ³⁷ Мерль Ш. Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке. М., 1996. С. 376.
- ³⁸ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 1930-х годов. М., 1994; Овсянников А.А. Идеино-теоретическое наследие лидеров большевизма (источниковедческое исследование). М., 1997; Жиромская В.Б. и др. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюз. перепись населения 1937 г. М., 1996; Она же. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х гг. М., 1996; Население России в XX веке. 1900—1939. М., 2000. Т. 1; Гринин Н.Я. Производительные силы и исторический процесс. М., 2000 и др.
- ³⁹ Красов Ю.А. Социальное единство советского общества: мифы и реальность: Науч.-публ. очерк. Саратов, 1992; Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека: человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1998; Иванов Б. Бывшие люди // Родина. 1999. № 4. и др.
- ⁴⁰ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. М., 1994; Российская повседневность. 1921—1941: Новые подходы. СПб., 1995; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1997; Общество и власть, 1930-е годы. М., 1998; Новинская М.И. Поиски «новой социальной» и утопическая традиция: Проблемы общежития в актуальном разрезе // Политические исследования. 1998. № 5; Донина И.Н. «Автобиографии безбожников» как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920—1930-х гг. // Клио. 1998. № 3; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: 1920—1930 годы. СПб., 1999; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы. СПб., 2000 и др.
- ⁴¹ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. Новосибирск, 1992; Советский тоталитаризм: очерки психоистории. Новосибирск, 1995; Добренко Е. Формовка советского человека. СПб., 1997; Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998; Попов С.М. Роль насилия во властно преобразовании системы социальной коммуникации. Екатеринбург, 1998.
- ⁴² Кондратенко А.Н. Материальный уровень жизни советских служащих в 1921—1928 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Шалугина И.Б. Социальное обеспечение в РСФСР в 20-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Рябина Н.В. Социальная политика государства по охране материнства и детства в период нэпа: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; Шевцова О.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1926—1929 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999; Загорский П.В. Социально-политическое развитие сельского населения центрально-черноземного региона России во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Винникова С.А. история развития в СССР рыночной торговли и распределительной системы (1936—1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999; Гелько М.И. Государственная социальная политика в отношении детей: опыт и уроки 1920-х годов (на материалах Москвы и Московской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Илюхов А.Х. Политика советской власти в сфере труда, 1917—1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1999; Клемантович С.П. Эволюция государственной политики в области народного образования в 1920—1930-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ⁴³ Проскурина Л.И. Коллективизация на Дальнем Востоке // Международная конференция. Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв.: Тез. докл. и сообщ. Благовещенск, 1993; Она же. О сталинских репрессиях в дальневосточной деревне в 20—30-е гг. // Краеведческий вестник. Владивосток, 1994; Она же. Некоторые итоги изучения аграрной истории российского Дальнего Востока 20—30-х годов // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997 и др.
- ⁴⁴ Дударь Л.А. Роль государства в организации торговли и снабжения товарами северных районов Дальнего Востока России в 1920—1930-е годы // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997; Она же. Социально-профессиональная группа работников дальневосточной торговли в 30-е годы и ее взаимоотношения с властными структурами и рядовыми покупателями // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999 и др.
- ⁴⁵ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6; Она же. Как «очищали» Приморье // Утро России. 1992. 17 нояб.; Она же. «Очистка» Приморья от «неблагонадежного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999 и др.

SUMMARY: The author of the article «Realization of Social Policy» Olga Shestak analyses the historiography of the Soviet social policy in 1920—1930-s. These problems are considered in the works of the Russian historians; the author touches many of them.